
Глава 1

АМЕРИКАНЦЫ В ЦИФРАХ

От четырех до четырехсот миллионов

Даже небольшой опыт службы в Бюро переписи населения США убеждает, что в целом на результаты подобной «инвентаризации» американцев положиться можно. И поскольку такие учеты здесь проводятся каждое десятилетие начиная с 1790 г., обзор собранных данных позволяет получить любопытную картину. Согласно результатам самой первой переписи в стране проживало не больше 4 млн человек – менее половины жителей нынешнего Нью-Йорка. Дождаться, чтобы численность американцев достигла первой сотни миллионов, пришлось долгих 125 лет. Зато путь от первой до второй сотни миллионов, зафиксированной в 1967 г., занял лишь немногим дольше полувека. А для завершившегося в октябре 2006 г. перехода к трем сотням миллионов понадобился срок еще короче – неполные 40 лет.

В отличие от большинства стран Европы и Японии, где собственное население давно уже фактически не прибавляется, в Америке оно продолжает расти. По разным причинам этот прирост никогда не был равномерным. На него влиял не столько уровень рождаемости в американских семьях, сколько иммиграционные волны. По общему числу жителей США давно обосновались на третьем месте в мире – после традиционно многолюдных Китая и Индии. Всего за десять лет – с 2000 по 2010 г. – постоянных жителей страны стало больше на 27 млн, а к концу 2014 г. общая численность американцев достигла 320 млн. Столь динамичный прирост не может не обострять некоторые социальные и экологические проблемы. Однако, по мнению Роберта Гровса, главы американского Бюро переписи населения, «регулировать рост хоть и нелегко, но все-таки приятнее, нежели фиксировать убыль».

Процесс заселения Америки делится на несколько своеобразных исторических периодов. Первый из обозримых с по-

мощью переписей этапов длился около полстолетия – с конца XVIII в. до середины 1840-х гг. Он отличался необычайно высоким естественным приростом. В те годы в семье типичного американца – как, впрочем, и у его европейских современников – на свет появлялось в среднем семь младенцев. И хотя поток прибывавших в те годы мигрантов не отличался интенсивностью (и немалую их часть составляли привозимые из Африки рабы), число американцев нарастало доселе непревзойденными темпами – до 40% за десятилетие, что во многом объясняется скромной базовой численностью тогдашнего народонаселения. (К примеру, для, в общем, «плодовитого» десятилетия с 2000 по 2010 г. показатель прироста по стране составил менее 10%.)

После того как в 1840-е гг. в Ирландии выдалось подряд несколько неурожайных лет, а в германских государствах вслед за поражением революции 1848 г. наступила эпоха жестокой реакции, на американские берега накатила первая из мощных волн иммиграции. Ей способствовало еще и налаживаемое тогда регулярное пароходное сообщение через Атлантику. Начался второй этап заселения страны, продолжавшийся до Гражданской войны. Те годы характеризовались не только быстрым увеличением численности американцев (за десятилетие в среднем на 3,5 млн) – в основном за счет западноевропейских эмигрантов, – но и энергичным освоением земель к западу от Восточного побережья США. В тот же период стали проявляться долго зревшие внутренние разборки из-за несовпадения экономических интересов промышленного Севера и сельскохозяйственного Юга. Местами к тому же сказывались распри между самоуправными католиками-ирландцами и их более законопослушным окружением, чьи предки во многих случаях покинули Европу, подвергаясь там религиозному диктату и дискриминации.

Вашингтонским властям пришлось развернуть борьбу за сохранение целостности государства и отмену рабства, прижившегося на плантациях Юга. Усилившееся противостояние переросло в Гражданскую войну. А войны и революции, как известно, подрывают нормальный ход демографических процессов. Та война, бушевавшая в 1861–1865 гг., не только остановила приток иммигрантов, но и оказалась самой кровопролитной

в истории США, обернувшись гибелью около 600 тысяч американцев (почти 2% тогдашнего населения страны).

После умиротворения начался третий этап, в течение которого иммигрантские потоки не просто возобновились, но и сделались куда более динамичными и насыщенными. Он длился около полувека, и в результате население США увеличилось без малого на 70 млн, в итоге достигнув первого стомиллионника. Этот прирост более чем на треть обеспечивался притоком эмигрантов – преимущественно из Европы. Численность пришельцев в течение первых полутора десятилетий того этапа составила 4,7 млн. В 1880–1890-е гг. этот прилив усилился и выплеснул на берега Америки около 8,5 млн новых иммигрантов. А в последующие полтора десятилетия иммиграционная волна достигла рекордного размаха: за счет ее население США выросло еще на 13,5 млн человек.

С начала 1880-х гг. в густой поток эмигрантов влились массы выходцев из Российской империи. Многие новые пришельцы – поляки, евреи, украинцы, финны, а также южноитальянцы, греки, венгры, сербы и другие уроженцы Восточной и Южной Европы – по своей ментальности, языку, религии и даже облику уже заметно отличались от основной массы американцев и эмигрантов предыдущего этапа. Большинство участников иммигрантских потоков как второго, так и третьего этапов исповедовали католичество, иудаизм либо православие, тогда как многие прежние «аборигены», чьи предки-колонисты покинули Европу ранее, были приверженцами притесняемого там протестантизма. Новоприбывшие из Старого Света обустроивались, как правило, в штатах Северо-Востока. Тем временем в крупных городах Западного побережья стали возникать первые поселения эмигрантов из Китая, Японии и Филиппин. А жители американского Юга в те годы почти не переселялись к океанским побережьям, несмотря на стремительное разрастание железнодорожной сети и расширение возможностей для трудоустройства в прибрежных штатах.

Стремительному притоку иммигрантов в Америку способствовало укрепление там к концу XIX в. капиталистических производственных отношений, которые порождали и быстро расширяли спрос на наемную рабочую силу – притом преимущественно физическую и малоквалифицированную. С другой

стороны, мощными факторами бегства из стран исхода служили царившие там тирания режимов, социальный и национальный гнет и безысходная бедность. Свою роль сыграло также дальнейшее ускорение и удешевление межконтинентального пароходного сообщения. Согласно результатам переписи 1910 г., каждый седьмой житель тогдашних США был рожден за границей и 87% иммигрантов прибыли из Европы – главным образом из Российской империи (включая Польшу и Финляндию), а также из Австро-Венгрии и Южной Италии. Особо мощный всплеск российской эмиграции был отмечен в период перед революцией 1905 г. и в годы, последовавшие за ее подавлением.

Однако в 1917 г. в Америке появилась «Лига за ограничение иммиграции», которая добилась, чтобы право на жительство в США предоставлялось лишь тем, кто успешно сдал тест на владение английским языком. А в 1920-е гг., когда нарастали угрозы экономических потрясений и экспорта коммунистической идеологии, в обществе возобладала ксенофобия и вступили в действие ограничительные законы, резко сократившие приток эмигрантов. В частности, годовая квота для лиц каждого этноса не должна была превышать 2% от его численности в США, установленной еще переписью 1890 г. Тридцатилетие, начавшееся в годы Первой мировой войны и охватившее период Великой депрессии и Второй мировой войны, явилось этапом, давшим самый мизерный в американской истории прирост населения – лишь около 7%. Увы, именно тогда чинились почти неодолимые препятствия для въезда беженцев из нацистской Германии и стран, подвергшихся оккупации.

Со второй половины 1940-х гг. в Америке начался качественно иной двадцатилетний этап. Он характеризовался мощным экономическим подъемом, бумом рождаемости (принесшим многочисленное поколение бэби-бумеров) и массовым переселением американцев в штаты Запада и Юга, начатым благодаря созданию там мощных оборонных предприятий (а позднее и центров гражданской авиации, астронавтики и компьютерных технологий) и ускорившимся в связи с успехами развернутого в 1950–1960-е гг. движения против расовой сегрегации. В 1952 г. был принят Закон Уолтера–Маккарена,

облегчивший получение гражданства небелыми эмигрантами и повысивший мобильность внутри страны.

Эта тенденция не ослабевала на протяжении следующего этапа, длившегося с 1965 г., когда был принят Закон об иммиграции. Указанным законом, утвержденным президентом-демократом Линдоном Джонсоном, были отменены квоты на иммиграцию, привязанные к численности американских граждан – выходцев из определенных стран, и поощрялось воссоединение семей. За полвека действия этого закона в США перебравшись около 60 млн иммигрантов, что в итоге составило почти 18% населения страны. Многие считают, что подобным актом выражалось стремление вознаградить местные общины поляков, евреев, итальянцев и украинцев, в среде которых сформировался многочисленный и преданный электорат Демпартии.

Вообще интернационализм и толерантность уже приносили впечатляющие результаты в разных областях экономики, науки, культуры и спорта. У болельщиков, следивших за проходившим на Олимпиаде в Мельбурне состязанием сильнейших в мире команд СССР и США, особый интерес вызывали соревнования штангистов. Среди удостоенных тогда золотых медалей был супертяжеловес Пол Андерсон – американец со шведскими корнями. В последующие годы Андерсона сменил в команде гигант иного облика – афроамериканец Дэвид Бредфорд. Разные этнические корни оказались и у других атлетов из той команды-мечты: у полутяжеловеса Норберта Шеманского – польские, у средневеса Томми Коно – японские, у легкового Исаака Бергера – еврейские и у «мухача» Чарльза Винчи – итальянские. Мир обошла тогда фотография этой склонившейся над штангой пятерки чемпионов. Прошло более полувека, но та же тенденция сохранилась. Чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на другую пятерку – золотоносных участниц американской команды по спортивной гимнастике, выступавших в Рио-2016.

Однако в целом инициаторам принятого в середине 1960-х гг. Закона об иммиграции не удалось достичь целей, направленных на дальнейший прирост в стране указанного контингента, – главным образом из-за того, что в Европе опустился «железный занавес». Зато этим законом активно воспользовались уроженцы Латинской Америки и Азии. А в 1970-е гг. и особенно с конца

1980-х к эмигрантскому потоку смогли присоединиться многие выходцы из Советского Союза. За четыре десятилетия действия данного закона численность иммигрантов в Америке увеличилась почти на 30 млн – преимущественно за счет пришельцев из Центральной и Южной Америки, а также Индии, Китая, Кореи, Вьетнама и Филиппин. В этой волне общая доля выходцев из стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза не превысила 5%. Тем не менее, согласно внутриобщинным данным, более полумиллиона нью-йоркцев теперь говорят по-русски. (Правда, сотрудники переписи 2010 г. огласили куда более скромную цифру – около 200 тысяч.) Но по распространенности в данном мегаполисе этот язык вышел на четвертое место (после английского, испанского и китайского), и с 2010 г. документы избирательных кампаний в некоторых округах Города Большого Яблока надлежало печатать также и на русском языке. Однако выполнять данное постановление, принятое ассамблеей штата Нью-Йорк, организаторы данных приготовлений не спешат. Зато появилась возможность выбирать русский язык для выполнения операций на многих банковских и билетных автоматах города.

Первоначально эмигранты обычно селятся в штатах с действующими структурами их общин, обеспечивая там ускоренный прирост населения. В результате, согласно переписи 2000 г., население Калифорнии (самого многолюдного штата) достигло 34 млн человек, Техаса – почти 21 млн (по этому показателю он тогда впервые вышел на 2-е место, опередив штат Нью-Йорк с его 19 млн), а Флориды – 16 млн человек. К 2014 г. численность населения Флориды достигла 20 млн, что переместило штат Нью-Йорк с 3-го уже на 4-е место. Примечательно, что достаточно стремительно росло население и других штатов Среднего Запада и Юга, где спрос на рабочие руки выше, чем в среднем по стране, а проживание обходится дешевле. В числе таких штатов оказались Невада (где прирост за десятилетие составил 66%), Аризона (40%), Колорадо (32%), Юта, Айдахо и Северная Дакота (по 30%). За то же время население ряда штатов Севера и Северо-Востока (в частности, Мичигана, Массачусетса и Нью-Йорка) несколько убавилось или практически не выросло.

С наступлением XXI в. все яснее выявляются признаки следующего этапа. Заметно возросшая в течение предшествующей

щих лет статистика абортс и разводов поползла вниз; рождаемость же практически не снижается – в отличие от многих других стран с преобладающим белым населением. Любопытно вообразить, как могут развиваться наметившиеся тенденции. Несмотря на кризисные явления и долго подготавливаемую иммиграционную реформу, а также ужесточения, направленные на усиление контроля и сокращение общего притока эмигрантов, демографы прогнозируют, что путь от 300 к 400 млн американцев будет пройден еще быстрее, чем переход от 200 к 300 млн. Демографы ожидают, что «пик 400» будет достигнут примерно в 2043 г. В таком случае траверс «от 300 до 400» потребует 37 лет (с 2006 по 2043 г.), что несколько превысит скорость прохождения пути «от 200 до 300», пройденного за 39 лет (с 1967 по 2006 г.).

К каким результатам способны привести новые тенденции? Вероятно, на Западе и Юге будут проживать до двух третей общей численности американцев. В 2000–2010 гг. число новорожденных в семьях испаноязычных иммигрантов впервые превысило численность выходцев из Латинской Америки, прибывших в США за тот же период. Демографы считают, что такое соотношение станет типичным и для некоторых других иммигрантских этносов. Рождаемость в их общинах в среднем выше, чем в США в целом. Она способна привести Америку к состоянию, когда ее этнические меньшинства в сумме превратятся в большинство. Нечто подобное можно наблюдать уже ныне в некоторых районах Нью-Йорка и столичном округе Колумбия, а также в ряде других штатов, включая такие крупные, как Калифорния, Техас и Флорида.

Удельный вес белых американцев, ныне составляющий около двух третей от всего населения страны, к окончанию данного этапа (ожидаемого приблизительно в середине века) может опуститься до половины. Согласно прогнозам численность афроамериканской общины за это время возрастет в полтора раза, а жителей США латиноамериканского и азиатского происхождения – вдвое. При этом некоторые этнические ингредиенты современного американского общества развиваются уже столь самостоятельно, что почти не растворяются друг в друге. Поэтому на смену отстающей от реальности теории «плавильного котла» пришла концепция «салата» или «мозаики» этно-

культур. Как показывает европейский опыт, распространение такого мультикультурализма способно привнести в страну новые серьезнейшие проблемы либо оживить давние.

Перепись по-американски

Перепись населения США – общенациональная кампания, к которой в стране готовятся загодя и всерьез. Продолжается она несколько месяцев (одна только «полевая» ее стадия длится с марта по июнь, а обработка основного массива собранных данных продолжается до конца года переписи) и обходится государству недешево. На этот период по стране нанимают десятки тысяч служащих, которых предварительно тестируют, и одних из прошедших испытание обучают подробностям проведения интервью и сбора данных, а других – премудростям их компьютерной обработки. Работа эта неплохо оплачивается, и, чтобы попасть на нее, некоторые берут отпуск на основной работе. Большинство же – из тех, кто на другой службе имеет неполную загрузку либо является безработным.

Результаты переписи дают представление о численности, возрастном и расовом составе американцев, их семейном положении и плотности расселения по округам (что отражала информация из коротких форм, рассылавшихся в 2000 г.), а в ряде случаев – также о доходах и размерах жилья (что дополнительно запрашивалось в длинных формах, рассылавшихся тогда вразброс в адрес каждой шестой американской семьи). По окончании переписи 2000 г. были рассмотрены высказанные по ней критические замечания и предложения, сводившиеся к тому, что короткие формы слишком лаконичны и куцы, а длинные – слишком громоздки и щекотливы по содержанию. В результате в следующей переписи, проведенной в 2010 г., короткие стали полнее, а длинные формы уже не рассылались.

Итоги переписи влияют на распределение федеральной помощи (выделяемой на местное гражданское строительство, детские учреждения и центры медицинской и социальной поддержки), а также на расклад политических сил внутри штатов. Ведь общее количество мест в нижней палате Конгресса США – Палате представителей – постоянно и равно 435. При этом число

мест, выделяемых каждому штату, должно быть пропорционально численности его жителей. По итогам переписи какое-то число мест может перейти от одного штата к другому. Соответственно меняется и представительство штатов в коллегии выборщиков, фиксирующей выбор президента США: какие-то штаты в дальнейшем будут представлены большим числом выборщиков, а какие-то – меньшим, чем до переписи. Такая перемена способна повлиять на общий политический пейзаж в стране. Ведь по результатам выборов одни штаты делегируют в конгресс республиканцев, а другие – демократов. И поскольку в каждом избирательном округе должно проживать приблизительно равное число жителей, то итоги переписи нередко приводят к демаркации границ округа.

Перепись 2000 г. зафиксировала общую численность американского населения на уровне около 282 млн, что на 1,5 млн человек превысило прогноз и выявило довольно высокий общий прирост за предыдущее десятилетие – 13,2%. То или иное прибавление было тогда отмечено почти во всех штатах, но динамика прироста оказалась весьма неравномерной. Основной зоной притяжения по-прежнему явился «Солнечный пояс», а низкий прирост характерен для ряда штатов Северо-Востока и Среднего Запада. В итоге в нижней палате Конгресса возросло представительство от восьми юго-западных и южных штатов и сократилось от десяти других.

С учетом данных о партийности делегатов произошедшие перемены привели к некоторому возрастанию числа республиканцев как в Палате представителей, так и в коллегии выборщиков. А роль последних после коллизии на финише президентской гонки 2000 г. в комментариях не нуждалась. Кстати, если бы то голосование выборщиков состоялось после выборов в Конгресс, состоявшихся в 2002 г., когда уже произошло перераспределение мест с учетом результатов переписи 2000 г., то мизерный перевес Буша над Гором, выявленный в результате пересчета голосов во Флориде на уровне 271–267, возрос бы до соотношения 278–260. Одна из причуд американской демократии состоит в том, что во многих штатах победивший в них участник президентских выборов получает голоса всех выборщиков, приписанных к данному штату. В результате, несмотря на официальную победу Буша, общее число амери-

канских избирателей, проголосовавших тогда за Гора, оказалось больше.

Итоги переписи фиксируют изменение численности жителей (а значит, и потенциальных избирателей) также в округах, где избираются депутаты в местные органы власти. В частности, город Нью-Йорк имеет 51 округ, каждый из которых делегирует своего представителя в горсовет. Любой из этих округов населяют около 160 тысяч жителей. Если по результатам переписи обнаружено, что разница между численностью жителей в соседних округах превышает 10%, то в целях выравнивания этих показателей окружные границы подлежат демаркации.

Интересны данные по динамике этнического состава жителей крупнейшего и самого многонационального американского мегаполиса – Нью-Йорка. По результатам переписи 2010 г., общая численность его населения приближалась к 8 млн человек. Хотя белые и здесь имели большинство (чуть более 2,7 млн), но в данном случае оно лишь относительное и едва превышает треть от общего числа жителей (а не две трети, как по стране). При этом в сравнении с данными переписи за 2000 г. доля белых горожан снизилась на 2,8%. За тот же период еще более (на 5%) сократилась доля чернокожих (неиспаноязычных) нью-йоркцев. В 2010 г. она составила 22,8%, и тогда в Нью-Йорке насчитывалось менее 1,9 млн афроамериканцев. Зато на 8% здесь выросла доля латинос, достигшая 28,6%, что соответствует 2,3 млн человек. Но наиболее стремительно (на 31,8%) возросла в Нью-Йорке доля азиатов, чья численность достигла 1 млн.

Демографы отмечают, что с конца XX в. среди американских пар быстро растет число смешанных браков. За последние три десятилетия число зарегистрированных в США межрасовых браков возросло всемеро. (При этом самые распространенные среди смешанных пар – браки между представителями белой и азиатских рас.) В связи с такой общей тенденцией для самоопределения участников переписи 2010 г. была впервые предоставлена возможность заполнить более одной графы в рамках принятой классификации этносов.

Итак, общий подход к этой государственной кампании выработан солидный, но в силу крайней неоднородности объек-

тов переписи – особенно в мегаполисах – провести ее в полном соответствии с поставленными задачами практически невозможно. Исходя из своего опыта участия в проведении переписи в Нью-Йорке, утверждаю, что основной нашей клиентурой оказался контингент с «приветами». Ведь мы имели дело главным образом с уклонистами – людьми с теми или иными отклонениями. Ибо нормальные законопослушные американцы сами заполняют присланные им формы переписи и отправляют их по почте. *(Впрочем, как выяснилось через два месяца после начала переписной кампании 2010 г., таких «нормальных» среди нью-йоркцев оказалось всего лишь около половины.)* Наше же дело – восполнять образовавшиеся пробелы и устранять неясности. Это означает – иметь дело с теми, кто либо проявил забывчивость и нуждался в напоминаниях, либо затруднился самостоятельно исполнить свой гражданский долг и нуждался в помощи (в таких случаях проблемы, как правило, быстро устранялись), либо с теми, кто намеренно от него уклонялся, что обычно служило верным прологом к попаданию интервьюера в деликатную ситуацию.

Таково не только мое мнение. Когда в воскресном приложении к медийному флагману «Нью-Йорк таймс» мне попала заметка некоего сценариста (вот уж у кого загрузка на основной работе заведомо нестабильная) под смешным заголовком «Тук-тук», то сначала подумалось, что это не более чем обычная развлекаловка выходного дня. Когда же выяснилось, что в качестве повода для едкой сатиры избрана отшумевшая переписная кампания, мое любопытство сменилось сопереживанием.

Привожу пару фрагментов из той публикации: «Нажимаю на кнопку звонка и жду. Изнутри квартиры слышалось жужжание пылесоса, но никто не отозвался. Я громко постучал, и пылесос затих. Однако ничто не нарушило наступившего безмолвия. Рассчитывая, что буду услышан, я звучно произнес давно заученную тираду: “Хелло! Я из Бюро переписи. Заполнение формочки займет несколько минут”. Никакого ответа. Тогда я достал мобильник и набрал номер адресата. После третьего гудка трубку подняли, и женский голос устало произнес “Алло?” Чтобы излишне не тревожить опасливую клиентку, я предложил ей дать мне мини-интервью по телефону. Она повесила трубку. Я снова набрал ее номер, но смог продолжить

общение лишь односторонне – через автоответчик. Извинившись за беспокойство, я подчеркнул важность переписи для района и лично для нее, надиктовал номер своего телефона и отключился без всяких надежд и чертыхаясь. Я чувствовал себя упрямым Сизифом или сталкером, которым слабо движет чувство гражданского долга, подпитываемое не ахти каким вознаграждением».

А вот перевод другого отрывка, красноречиво дополняющего первый: «Когда я наведлся в квартиру 2В, дверь открыл здоровенный детина в трусах. Его вид откровенно говорил о безразличии к цели моего визита. Когда я сообщил, что меня уволят, если наше интервью не состоится, он в ответ лишь пожал плечами. Я собрался добавить: “Так давай же заполним форму!”, но было уже поздно: дверь перед моим носом захлопнулась».

Излишне говорить, какие чувствительные струны затрагивают эти зарисовки в том, кому доводилось побывать в подобной ситуации. Причины уклонений от интервью называют разные. Толкуют о гражданской незрелости и чрезмерной подозрительности адресатов – несмотря на многократные официальные заверения в полной конфиденциальности получаемой информации, включая все данные о личности опрашиваемого, его доходах и статусе проживания в США.

Поделюсь собственными впечатлениями об участии в такой кампании. Не скажу, что попасть на эту временную работу в государственной службе переписи – дело пустяковое. Нужно было пройти отбор, успешно сдав письменный тест, для преодоления которого требовалась быстрота соображения и понимания англоязычных текстов в условиях жесткого лимита времени. Потом отобранные кандидаты в течение недели с утра до вечера проходили спецучебу, завершаемую экзаменом. Поздешнему это тренинг, а в сущности натаскивание. Львиная доля учебных часов уделялась разбору того, как следует действовать в нестандартных ситуациях. Например, когда указанный адрес неточен или адресат въехал в данное жилье после 1 апреля – дня, к которому привязана информация по переписи. Либо когда он в данный момент проживает в другом месте или находится в командировке, на отдыхе, в лечебнице, в заключении и т.д.

Однако практика показала, что все эти нюансы – чепуха в сравнении с главным вопросом: как войти в контакт с клиентом? Вначале складывалось впечатление, что кое-кто потому недоступен и не заполняет свои формы, что день и ночь занят на работе. И застать его невозможно ни утром, ни вечером, ни даже по выходным. Потом нередко выяснялось, что на самом деле клиент вовсе не пропадал на службе и никуда не выезжал, а просто не горел желанием «засветиться» в переписи. На наш взгляд, непривычно мало знают о жильцах многие из их соседей и даже суперинтендант (в просторечии – супер). Существует такая должность в невысотых многоэтажках. На ее исполнителя, совмещающего обязанности сантехника и управдома, в периоды переписи возлагается общественная нагрузка помогать переписчикам. Впрочем, суперы, проявившие в этом рвение, мне не попадались.

Но вернемся к учебе. Большинство в нашей группе составляли двуязычные слушатели. Судя по форме анкеты-заявления о найме на эту работу, данное качество поощрялось. Многие мои сокурсники были коренасты и смуглы. Но даже тот, кто выглядел, как рослый янки, общался с однокашниками в основном по-испански. И, несмотря на их внешнее дружелюбие, долго пребывать в малознакомом иноязычном окружении было нелегко. Приходилось утешаться с детства памятной сентенцией: тяжело в учении – легко в бою. Я питал надежду, что по окончании учебы буду направлен работать в свою округу, что находилась в черте нью-йоркского района Вашингтон-Хайтс (по-русски «Вашингтонские Холмы»), где обитали несколько тысяч русскоязычных американцев. Однако не тут-то было!

Координаторы мелочиться не стали и всю нашу группу направили в «Испанский Гарлем» – буферную зону между Вашингтон-Хайтс и главным Гарлемом. С одной стороны, я тогда избавился от неуютного предположения, будто был нанят на госслужбу не на общих основаниях, а из-за заслуг в деле пропаганды Census-2000 в русской прессе. Будь так, меня бы не послали в испаноязычный район. С другой стороны, где же тут использование двуязычного кадра? К тому же отдаленная и незнакомая местность, где нередко попадались наркоманы и заколоченные окна, произвела не самое приятное впечатление.

И заставила обратиться за разъяснением к представителю русскоязычной общины в городском отделе Бюро переписи.

«Но, быть может, кое-кто из русских живет и в тех краях?» – неуверенно предположил он. В ответ у меня вырвалось: «Каких русских?! Там белого человека днем с огнем не сыщешь!» Продолжать беседу в столь неполицоректном тоне мой официальный визави не стал, и наавтра мне пришлось отправиться в местный офис Бюро переписи. По счастью, менеджеру – испаноязычной женщине – ситуацию долго объяснять не пришлось, и она распорядилась перевести меня в соседнюю группу, которая обслуживала пограничную зону в Вашингтон-Хайтс, где среди проживающих преобладают выходцы из Доминиканской республики, но попадались и русскоязычные американцы.

А дальше пошли будни. Они походили на вылазки разведчиков за «языками». Уловы бывали разные, нередко совсем скудные. Справедливости ради отмечу, что сцены наподобие тех, что описал сценарист, разыгрывались нечасто. Иногда встречали даже с особым гостеприимством. В том же Испанском Гарлеме блаженного вида темнокожий старичок выставил бутылки с напитками. Едва ли он оценил русский юмор «на службе не пьем», но на вопрос о возрасте сообщил «60», хотя путем несложных прикидок тут же выяснилось, что ему все 70. Удивляться не стоило: ведь мы имели дело с «уклонистами» – людьми не без отклонений.

После того как адресаты по первому кругу были обойдены и в результате какая-то их часть – увы, довольно скромная – свою задолженность погасила, а остальные получили очередные напоминания и предупреждения, началась «зачистка». Тут уж стало не до кляузных записок и либерализма, который нам прививали в часы учебы. Поднабравшись решимости и сутяжного опыта, интервьюеры поменялись участками и принялись за заполнение пробелов любыми средствами. Теперь без охвата не должны были остаться ни «отказники», ни неуловимые. Если же снова не удавалось выйти на клиента, привлекались всевозможные косвенные источники – соседи, супер или клерки из офисов домовладельцев, где ведутся компьютерные аналоги «домовых книг».

При этом подчас не обходилось без местных драм. Припомню одну. В типовой шестиэтажке, где немало иммигрантов со-

седствовало с урожденными американцами, чьи доходы, как правило, не дотягивали до средних, жила особа, от которой горько настрадался мой предшественник. Попытки урезонить жиличку приводили к тому, что она не только не пускала его на порог, но и громко оскорбляла.

С личного контакта надлежало начать и мне. Когда раздался дверной звонок, хозяйка долго отпирала три замка. Затем накинула цепочку и только тогда приоткрыла дверь. Я представился, и она потребовала мою карточку-удостоверение. Долго ее рассматривала, затем вернула, сказала «бай» и закрыла дверь. Потом из-за двери возбужденно добавила, что давно отослала форму. Заверения о том, что с ее формой не все в порядке и что кашу маслом не испортишь, лишь еще больше выводили особу из себя.

Пришлось прибегнуть к косвенным источникам, но даже ближние соседи не могли или не захотели сказать о ней что-либо определенное, а супер дал неправильный телефон домовладельца (не уверен, что нечаянно). Мной владело чувство, что терплю унижительное поражение, когда я увидел знакомое лицо – наткнулся на проживавшего в том доме Евгения Леля. Во внутриобщинных кругах он слыл диссидентом с Донбасса. От этого активиста, который в советские времена имел затяжные конфликты с властными верхами, но сохранял привычку ладить с жэковскими низами, я получил координаты менеджера из офиса их домовладельца.

На сообщенный номер квартиры менеджер реагировала с пониманием: «О, это известная скандалистка!» В офисном компьютере по ней имелась лишь часть нужных сведений. Менеджер посоветовала навести справки также в школе по соседству, где скандалистка служила... социальным работником (!) – человеком, призванным помогать детям из неблагополучных семей. И это несмотря на несомненное впечатление, что она сама нуждалась в психиатрической помощи!

Поскольку перепись находилась уже на той стадии, когда хороши были любые средства, я с карточкой-удостоверением на шее отправился в ее школу. На школьном дворе повстречалась героиня моей операции. Я кивнул и прошел в помещение, успев заметить, что она замедлила шаг. После нашего диалога у ее прикрытой двери едва ли скандалистка запомнила, как я выгляжу, но карточку, видимо, узнала.

Зайдя в первую офисную комнату, я оказался, судя по обилию бумаг, в школьной канцелярии. Мне не довелось закончить начатую фразу, когда в комнату с пронзительным визгом ворвалась моя клиентка. Она повторяла, что форму отослала, а ее без конца беспокоят... Пришлось объяснять, что эта дама – единственная в их доме, рядом с именем которой в наших списках имелись пробелы. Но крик не утихал, и женщина-служащая обхватила голову руками, давая понять, что продолжать разговор не в состоянии. Препирательство пришлось прекратить и ретироваться. Правда, сопроводивший меня клерк вручил свою визитку и обещал на вопросы о сотруднице ответить по телефону...

Подумалось: оправдана ли столь тотальная облава в стремлении дойти до каждого? Неужто она так уж влияет на достоверность итоговых результатов, при выведении которых все-таки неизбежна некая экстраполяция? Поговаривали, что злостным отказникам будут выписывать штрафы – как за нарушение правил парковки или отказ от приобретения медицинской страховки (что предписано свежее испеченной реформой здравоохранения). Чтобы почувствовали, что их поведение не только предосудительно, но и невыгодно! Однако пока что власти ограничиваются лишь агитацией да уговорами – на манер крыловского повара. Похоже, их кнут заточен только на то, чтобы нерадивым субъектам запомнилась надоедливая осада. Дабы припугнуть реальностью ее повторения в будущем.

История Америки в зеркале статистики

В 2006 г. вышло в свет новое издание «Истории США в зеркале статистики» (Historical Statistics of the United States). Этот пятитомный фолиант содержит 1780 таблиц. Со времени выхода в свет предыдущего издания прошло 30 лет. Главным источником опубликованных сведений явилась обширная информация из архивов Бюро переписи населения США. Выпустить столь масштабный материал без спонсорской поддержки было нереально, и издать его удалось лишь с помощью грантов, выделенных ряду академических учреждений – участников подготовки издания.

Потребность общества в статистической информации, связанной к его истории, очевидна. Во-первых, такие цифры помогают уточнить направление и темпы развития общества; во-вторых, история – вопреки расхожему утверждению – все-таки чему-то учит; наконец, это просто интересно. Но что не просто, так это рассеивать мифы, которыми плотно окутаны многие цифры и факты. Изданный труд призван помочь в преодолении многих заблуждений.

Для кого-то статистика – набор сухих цифр, а для кого-то – отражение прошлого, имеющего две ипостаси. Одна из них дает аргументы, позволяющие оценивать, подтверждать или опровергать уже известную информацию. Например, многие знают, что гражданские войны – одни из самых жестоких. Но насколько кровопролитна в историческом аспекте война между американским Севером и Югом? Статистика позволяет произвести абсолютные и относительные сопоставления. В 1860 г. в США проживало 31,5 млн человек. В течение последующих пяти лет в Гражданской войне погибло без малого 370 тысяч северяноунионистов и около 180 тысяч южан-конфедератов. Итого, общие потери составили более 1,7% от населения страны.

Теперь с помощью статистики, привязанной к истории, перенесемся ко временам Второй мировой войны. В середине 1940-х гг. население США составляло около 140 млн человек, а в военных действиях на Тихом океане и в Европе погибло 405 тысяч американцев. По отношению к населению их доля немного не дотянула до 0,3%, что почти вшестеро меньше относительных потерь в Гражданской войне, которая донныне считается самой кровопролитной в истории Америки.

На войне во Вьетнаме американская армия потеряла 56 тысяч убитыми, что оказалось еще на порядок меньше, т.е. в пределах 0,03%. С приведенными данными нелегко сопоставить потери в войнах, развязанных в последние годы, – в Ираке (около 4,5 тысяч убитых) и Афганистане (свыше 2 тысяч). Общая доля погибших в них американцев по отношению к численности теперешнего населения США едва ли достигает двухтысячных одного процента. Однако благодаря телевидению и Интернету зримые новости с полей сражений ныне мгновенно делаются всеобщим достоянием, и для широких слоев здешнего общества ощутимые потери американцев стали решительно не-

приемлемы. А в дотелевизионную эру история знавала и другие соотношения. Если Советский Союз в войне 1941–1945 гг. потерял 27 млн человеческих жизней (одна из официально объявленных оценок), то по отношению к тогдашнему населению страны эта доля измеряется громадной цифрой 13%. Еще более устрашающие цифры потерь в тогдашней войне хранит история отдельных регионов. Например, ее жертвами стали не менее 25% населения в Белоруссии и более 20% в Польше.

Другая ипостась статистики, отражающей историю, интригует и порождает вопросы: почему случалось так, а не иначе? Например, за всю послевоенную американскую историю ни один президент не превзошел Дуайта Эйзенхауэра в его противоборстве с Конгрессом. Этот хозяин Белого дома наложил вето на 181 законопроект, тогда как его инициативы были отклонены законодателями лишь дважды. Можно предположить, что Эйзенхауэру как прославленному боевому генералу проявлять непреклонность более к лицу, чем другим президентам. Однако у Франклина Рузвельта – человека вполне штатского – результаты борьбы с Конгрессом оказались не менее внушительны: он отклонил 635 законопроектов. Правда, Рузвельт и на президентском посту пробыл дольше других – и в очень непростые времена. У тех же, кто, как и Эйзенхауэр, отслужил в Овальном кабинете два полных срока, показатели противостояния Конгрессу таковы: инициативы Рональда Рейгана отвергались 9 раз, а он налагал вето в 78 случаях; у Билла Клинтона это соотношение выглядит скромнее – 2 против 36. Президенты же Джордж Буш-младший и Барак Обама правом вето, как ни странно, почти не пользовались, благодаря чему оба приобрели репутацию «покладистых» хозяев Белого дома.

«История США в зеркале статистики» содержит много других интересных цифр. Например, обнаружилась еще одна странность: в наше время с какой-либо из основных религий (протестантизм, католичество, иудаизм, ислам, буддизм) отождествляют себя больше американцев, чем столетие назад. В 1890 г. к таковым относили себя лишь 34% жителей Америки, тогда как в 1990-м – 60%. А наиболее высокий процент был зафиксирован в 1970 г. Тот пик был пройден на уровне 64%. Но тот факт, что в Америке – стране, изначально привлекавшей эмигрантов свободой религии, – на исходе XIX столетия лишь треть

населения считала себя прихожанами молеельных учреждений, достоин удивления. Подтвердилось предположение, что с середины того века в числе причин массовой эмиграции в Америку преобладали экономические резоны и те, что связаны с сословными и национальными ограничениями в странах исхода.

Несмотря на то что освоение американцами своего Среднего и Дальнего Запада началось и в основном завершилось в том же XIX в., в последующем их перемещение по стране отнюдь не прекратилось. Если в 1870 г. свыше трех четвертей (точнее – 77%) американцев не помышляли о том, чтобы покинуть штат, где родились, то в 2000 г. таких оказалось лишь две трети (67%). Сыграли роль возросшие возможности для перемены мест работы и, следовательно, проживания. Возросли и масштабы иммиграции. Например, более трети жителей Нью-Йорка родились за пределами Америки. Нельзя не принять в расчет также то, что за последние 70 лет средняя продолжительность жизни в США удлинилась более чем на десятилетие и после выхода на пенсию вошла в моду смена места жительства с переездом в более спокойные и теплые края.

В Америке возрастает численность и доля этнических меньшинств. При этом регулярно фиксируемый в переписях этнический состав населения определяется не по национальному признаку, а более укрупненно – в соответствии с принятой здесь классификацией, включающей шесть рас. Такие данные приведены в вышедшем сборнике. Естественно, что после его издания выявленные тенденции получили развитие.

Так, за один только 2007 г. испаноязычное население страны (латинос) выросло на 1,4 млн и достигло 45 млн, что составило 15% от общего числа американцев. За тот же период численность афроамериканцев увеличилась на полмиллиона и перевалила за 40 млн. Третья по величине группа меньшинств – азиаты (в основном китайцы, индусы, корейцы, вьетнамцы, японцы и филиппинцы), число которых возросло на 0,7 млн и превысило 15 млн. К меньшинствам здесь относят и «коренных американцев», в категорию которых входят индейцы вместе с эскимосами и алеутами. Их численность перестала снижаться и сохраняется на уровне 4,5 млн. Наименьшую группу расовых этносов (не более 1 млн) составляют потомки абори-

генов из Океании. К ним относятся гавайцы (недаром на Гавайях их 75%) и полинезийцы. В 2007 г. впервые представители всех меньшинств в сумме превысили рубеж 100 млн (и достигли 102,5 млн), а численность белых американцев – рассматриваемых здесь как «шестая раса», поскольку их буквенный символ W (от слова «white») занял в алфавитном порядке замыкающее место, – не дотянула до 200 млн (остановившись на 199 млн). Ожидается, что к середине XXI в. неиспаноязычные белые американцы перестанут быть в США абсолютным большинством.

Несмотря на начавшийся после Второй мировой войны стремительный рост пригородов, США все еще остаются страной огромных пространств, не затронутых жилищным строительством. На их территории сохраняется много ферм, пастбищ, лесов и гор. С 1945 по 2000 г. размеры «урбанизированных земель», занятых городами, пригородами и поселками (с населением не менее 2,5 тысячи человек), возросли вчетверо и достигли 70 млн акров. Однако эта площадь лишь едва превышает 3% от всей территории США, размеры которой охватывают 2,26 млрд акров. За указанный период почти не уменьшились площади, занимаемые лесами (642 млн акров) и посевами (455 млн акров). Часть лесных массивов, потесненная из-за вырубки и застройки, возмещалась путем расширения лесных угодий в парках, заповедниках и заказниках.

Из опыта прошлого можно предположить, что «История США в зеркале статистики» вызовет интерес в основном у узкого круга специалистов. Тем более что пятитомник, изданный в Cambridge University Press, продается по устрашающей цене 825 долларов. Но его приобрел ряд библиотек и университетов. И в отличие от предыдущих изданий появился демократический шанс ознакомиться с содержанием данного сборника через общедоступную интернетную версию.

Не забудем, что цифры, добываемые подчас с немалым трудом (многим пришлось, увы, познать, к каким ухищрениям готовы прибегать некоторые из чересчур мнительных американцев, дабы избежать ни к чему не обязывающего участия в переписях или опросах), собраны не только для отчетов или удовлетворения интеллектуального любопытства. Они иллюстрируют национальный характер и тенденции развития обще-